

— Ты ведь видел Чжун Тяньюя ещё вчера, почему не попытался избежать этой бури?

— Избегай или нет, его ненависть ко мне ни на йоту не утихнет, а лишь усилится от моей уступчивости. Раз так, зачем мне прятаться?

— ...Пожалуй, в этом есть доля правды.

— Я тебя дурачу. На самом деле, от него не скрыться: слишком много желающих поскорее донести ему новости. Люди из Павильона Чуньбо обожают смотреть представления.

— ...

Чэн Цяньжэнь подумал: завтра уже нужно подписывать вызов на дуэль, неужели они не собираются обсудить что-то по существу? Откуда такая уверенность?

Ему пришлось прервать их:

— Старшая Сюй, какова вероятность, что ты одолеешь его?

К удивлению, Сюй Жань была настроена крайне решительно:

— Двести процентов! Я только что метнула клинок, даже не вложив полной силы, а остаточная мощь удара отбросила его на три шага. Его Истинная Ци слишком рыхлая, словно он достиг этого уровня, просто объедаясь редкими снадобьями. Похоже, не все в четырёх знатных родах одинаково одарены!

Гу Сюэцзян пояснил:

— Если бы он был одарён, ему не пришлось бы приходить сюда. Плата за обучение в академии не из воздуха берется — боюсь, он метит на единственную квоту для рекомендации от академии. Хочет использовать Академию Наньюань как трамплин, чтобы попасть в Ведомство ритуалов и управления.

Сюй Жань не поняла:

— Рекомендация? Разве он не Боевой практик, поступивший в Академию Циншань?

Каждый год академия выделяет одну квоту на рекомендацию для службы в одном из трёх ведомств, что ускоряет карьерный рост как минимум на десять лет по сравнению с обычным путём. Боевым практикам же рекомендация обычно не нужна: сильные мира сего из военного ведомства или крупных сект с одного взгляда определяют, чего ты стоишь.

— В правилах академии нет прямого запрета на то, чтобы другая академия претендовала на эту квоту. А в Академию Циншань он пошёл, разумеется, потому что там меньше правил.

Чэн Цяньжэнь не особо вникал в эти дела: у него не было амбиций стать высокопоставленным чиновником, а успеваемость была лишь чуть выше средней. Только те, кто входит в тройку лучших, получают право бороться за рекомендацию.

Впервые он услышал об этом в прошлом году, когда Линь Дучжи попал в список претендентов на пересмотр. Возможно, наставники решили, что ему стоит набраться опыта ещё год, и в итоге квота досталась старшему ученику из Павильона Чуньбо. В заднем дворе Академии Наньшань ходили слухи, что в этом году очередь точно за ним.

Теперь же выходит, что лучший ученик Наньшаня может проиграть тому, чьё место куплено за деньги?

Академия — редкое место в этом мире, где ценят доводы и правила, однако любая справедливость относительна. Как же поступит руководство на этот раз?

Пока Чэн Цяньжэнь размышлял, он решил вернуть разговор в прежнее русло:

— Хотя у старшей Сюй и есть полная уверенность, всё же стоит быть начеку. Гу, ты знаешь, в чём секрет его техники?

Наступило молчание, слышно было лишь, как мелкий дождь барабанит по зонту. Спустя долгое время Гу Сюэцзян произнёс:

— Кажется, мы кое-что упустили. Мечник-слуга может сражаться вместо своего господина. Если выйдет тот слуга, каковы твои шансы?

Снова тишина. Сюй Жань крайне неуверенно спросила:

— ...Один процент?

Чэн Цяньжэнь был ошарашен таким поворотом:

— Вы серьёзно? Один процент? Нельзя хотя бы чуть больше?!

Тот слуга выглядел совсем юным, с безразличным выражением лица — мы ведь об одном и том же человеке говорим?

Сюй Жань:

— Два процента, не больше. Сегодня он стоял там, не шелохнувшись, но я почувствовала огромное давление. Интуиция воина подсказывает: если он начнёт двигаться, мне будет очень опасно... Иначе зачем бы мы весь вечер переливали из пустого в порожнее с этим типом по фамилии Чжун? Он ведь уже вытащил меч! Я бы давно его отметелила!

Чэн Цяньжэнь:

— ...

Гу Сюэцзян:

— Не паникуйте, я всё устрою. Сейчас у нас два плана. Старшая Сюй, сегодня вечером я расскажу тебе о техниках семьи Чжун и Мече Линьшуан. Чэн, можешь приготовить хлопчатобумажную ткань, хорошую.

Чэн Цяньжэнь, заразившись его спокойствием, подумал: недаром он хозяин озера, повидавший виды. Умеет держать удар. Но он всё же не понял:

— Зачем готовить хлопок?

— Пусть Чэн Чжулю сделает мне наколенники, чтобы стоять на коленях было удобнее. Он же часто чинит тебе одежду, значит, с иглой и ниткой должен ладить...

Гу Сюэцзяну тоже было обидно. Раньше на таких мелких сошек он и не смотрел, а теперь вынужден готовиться к битве не на жизнь, а на смерть. Ирония судьбы.

Сюй Жань:

— Ты правда собираешься встать на колени?

— Конечно, не слишком покорно. Нужно сделать так, чтобы он решил, будто достиг своей цели и полностью удовлетворён. Даже на колени нужно вставать со стратегией и достоинством.

Чэн Цяньжэнь подумал: сражаться до крови, в случае поражения — вставать на колени, а в случае победы заработать всего тридцать лянов. Убыточное дельце.

— Может, не будем принимать вызов? Просто отправим Гу, чтобы он встал на колени?

Сюй Жань:

— Нельзя. Даже если не победим, нужно пустить ему кровь, чтобы все знали: нас лучше не трогать. Иначе потом всякие дворняги будут садиться на голову. Как я тогда буду главенствовать?

...Ну ладно, раз на кону твоё достоинство лидера.

Гу Сюэцзян:

— К тому же, мы не обязательно проиграем, шанс есть!

Чэн Цяньжэнь:

— Например?

— Например, тот мечник-слуга завтра подавится на завтраке или его молнией ударит до того, как он вытащит меч.

Чэн Цяньжэнь:

— ...

Неужели именно так и высчитываются те два процента?

Гу Сюэцзян:

— Не верите? В истории такое бывало, особенно в весенние дождливые дни...

Разговаривая, они подошли к концу длинной улицы и свернули в переулок, где жил Чэн Чжулю. Фонарей стало меньше, свет померк, повсюду лужи. Все трое приподняли полы одежды и, ступая по воде, вошли внутрь.

Сюй Жань наконец дождалась момента, когда можно было подколоть Гу Сюэцзяна:

— Похоже, в этом году нам не избежать драк. Гу, ты вечно создаёшь проблемы.

Чэн Цяньжэнь поддержал её:

— И правда, неисправимый Гу. То ли дело ты, Сюй, с тобой куда проще.

Кто бы мог подумать, что Сюй Жань смутится:

— На самом деле, я тоже... Эх, случилась беда, из пятидесяти восьми человек в семье выжила только я. Мир велик, но врагов ещё больше. В родных краях мне негде было приклонить голову, вот я и пришла сюда. Если в будущем на меня свалится какая-то напасть...

Она говорила с некоторой тревогой. Чэн Цяньжэнь не такой, как они: он натерпелся горя в прошлом, к тому же на руках у него ребёнок. Он с таким трудом наладил спокойную жизнь, что мечтал лишь о тишине и покое.

Чэн Цяньжэнь, разозлившись, махнул рукавом и зашагал прочь:

— Несчастный я человек! И угораздило же меня встретить вас двоих!

Пройдя пару шагов и заметив, что никто не идёт следом, он обернулся:

— Чего стоите у порога? Одной миской лапши сыт не будешь. Я сварю суп, а вы пока обсудите, как будете сражаться.

Перед тем как толкнуть дверь, он добавил:

— Ведите себя тише, Чжулю готовится к экзаменам.

Он не ожидал, что Чжулю уже приготовил для него согревающий имбирный чай, горячую воду для купания и чистую одежду.

Хотя вернулся он поздно, домашние задания и чтение книг никто не отменял. Чэн Цяньжэнь лёг спать лишь глубокой ночью, но на следующий день всё равно встал спозаранку, выпив крепкого чая для бодрости.

Дождь прекратился, но солнца не было видно. Небо затянуло свинцовыми тучами — того и гляди снова польёт. В такую погоду на душе становится тяжело.

Перед выходом Чжулю протянул ему книгу «Числа сливы»:

— Я закончил переписывать, братец, верни её.

По правилам библиотеки, если не делать копии для продажи, переписывать книги разрешалось.

— Так быстро? Ты что, встал ночью, пока я спал, чтобы переписать её? Эта книга не из хранилища, за просрочку на день штрафа не будет.

Чжулю тут же стал послушным:

— Клянусь, нет. Я переписал только то, что мне нужно.

Если бы он признался, что не спал, ему бы точно прочитали лекцию о том, что дети растут во сне, а недосып вредит здоровью.

Чэн Цяньжэнь читал эту книгу, понимая через слово, и, не зная, что в ней полезного, просто спросил:

— Есть что-то непонятное? Я спрошу у наставника.

— Нет, в книге всё изложено чётко, видимо, у автора ясный ход мыслей.

Чэн Цяньжэнь:

— ...

Похоже, мы читали разные книги.

Вчерашняя ночь вымотала его, и даже крепкий чай не помогал. На утреннем занятии по теории вычислений он щипал себя за руки, чтобы не заснуть, но всё равно не смог взбодриться. Наставник Сюй вызвал его ответить на вопрос, и, допустив две ошибки подряд, он стал мишенью для насмешек однокурсников.

Наконец, когда урок закончился, наставник велел ему зайти в Павильон Ханьхай. Под удивлёнными и злорадными взглядами соучеников Чэн Цяньжэнь собрал вещи и пошёл следом.

Академия Наньшань была построена на горе. Павильон Ханьхай, где работали наставники, располагался на относительно ровном участке. Он состоял из пяти зданий, соединённых деревянными мостами, в окружении горных источников и сосен.

Каменные ступени были ровнее и шире обычных, везде были отполированные деревянные перила. Старый наставник Сюй, однако, не опирался на них, а шёл заложив руки за спину, быстро и легко, изредка останавливаясь, чтобы поздороваться со знакомыми. Чэн Цяньжэнь молча следовал за ним, постоянно отвечая на приветствия.

Поднявшись в павильон и открыв дверь кабинета математики, он увидел, что наставники о чём-то оживлённо беседуют. Сюй сел за свой стол, и ему тут же подали чай. Сделав глоток, он словно только сейчас вспомнил, что привёл студента:

— Запишись на Турнир двух академий в этом году.

Чэн Цяньжэнь замер:

— Наставник, ученик может... не справиться.

Академия Бэйлань в столице и их Академия Наньшань, как два крупнейших учебных заведения континента, каждый год по очереди проводили турниры, включающие литературные и боевые состязания. В прошлом году турнир принимала Бэйлань, и Чэн Цяньжэнь, будучи первокурсником, не участвовал. Он лишь слышал, что из сорока учеников, поехавших в столицу, призовые места заняли меньше десяти.

В этом году он уже не новичок и имел право участвовать.

Наставник вздохнул:

— Попробуй. За первые три места полагаются талисманы, редкие артефакты, уникальные свитки и пятьсот лянов в придачу. Даже если не войдёшь в тройку, за первые двадцать мест дают триста лянов. Если целыми днями пропадать на рынках ради куска хлеба, учёба пойдёт прахом.

Он знал о положении этого ученика: у него были задатки, чтобы достичь вершин в математике, но теперь он едва дотягивал до среднего уровня. Жаль.

И действительно, стоило упомянуть пятьсот и триста лянов, как глаза Чэн Цяньжэня засияли. Наставник лишь беспомощно покачал головой: другим студентам он твердил о чести, славе и добродетели, а с этим можно было говорить только о деньгах.

— В этом году Наньшань принимает турнир, никуда ехать не придётся, это не мешает тебе заботиться о младшем брате. Если запишешься, перед началом турнира я дам тебе отпуск, чтобы ты мог подготовиться к литературной части.

Чэн Цяньжэнь отвесил глубокий поклон:

— Благодарю, наставник, я приложу все усилия.

Сюй снова отпил чаю и махнул рукой, а слуга принёс ему трёхъярусную коробку с едой:

— Всё, я буду обедать, иди и ты.

Усталость как рукой сняло. Чэн Цяньжэнь почти бегом спустился с горы, чувствуя себя так, будто получил долгожданную помощь, и чуть не запел от радости.

У человека должна быть мечта, а вдруг она сбудется? Нужно записаться, а вдруг удастся занять двадцатое место? Если всё получится, триста лянов — и вопрос с поступлением Чжулю будет решён.

Из-за этой задержки он избежал толпы, возвращавшейся с занятий. Погода была ясной, и Чэн Цяньжэнь в прекрасном настроении поднялся на четвёртый этаж библиотеки. Красивая женщина всё так же сидела там, листая свитки, словно время было над ней не властно.

— Позвольте спросить... — Чэн Цяньжэнь только сейчас понял, что не знает имени того молодого слуги, — ...Тот наставник на месте? Я пришёл вернуть книгу.

— У него дела, в ближайшие три-четыре дня его не будет. Оставь пока её у себя.

Чэн Цяньжэнь немного подумал: вежливее было бы вернуть книгу лично и поблагодарить, поэтому он поклонился и ушёл.

По пути назад, увидев пустую тренировочную площадку, он сжал сердце: за полдня вызов наверняка уже попал в руки Сюй Жань.

Завтра после обеда — значит, уже пора сражаться?

Всё было совсем не так, как думал Чэн Цяньжэнь.

После обеда они всё так же сидели во дворе, попивая чай. Чэн Цяньжэнь не хотел волновать Чжулю, поэтому отправил его спать. Сюй Жань вертела в руках бумагу с красными буквами:

— Почему через два дня? Это же выходной.

Академия училась пять дней, а на шестой был выходной. Она была завсегдатаем тренировочной площадки, и в её понимании вызов на бой — дело простое: ударил себя в грудь, выкрикнул имя соперника, получил ответ «принимаю» — и можно выхватывать меч.

Гу Сюэцзян, покуривая трубку, с мудрым видом произнёс:

— Именно потому, что это выходной, желающих поглазеть будет больше. В молодости, когда я впервые затевал драку, чтобы заявить о себе, мне хотелось, чтобы весь город смотрел.

Сюй Жань раздражённо бросила:

— Как же всё это утомительно.

Гу посоветовал:

— Эти два дня подготовки нам на руку. Повтори то, что я вчера говорил.

Сюй Жань, не раздумывая, вскочила:

— Сейчас же пойду тренироваться. Завтра напомни мне, а то забуду.

Обычно Гу тут же съязвил бы: «Твой мозг — лишь украшение, что ты вообще можешь запомнить?», но, вспомнив, что ей предстоит бой, он изменил тон:

— Я буду помнить за тебя.

У Боевых практиков Академии Циншань было две площадки: для конной стрельбы и для поединков. Первая представляла собой утрамбованную землю, обнесённую невысоким забором. Вторая была куда официальнее: вокруг шли каменные ступени, вмещавшие две тысячи зрителей, а с северной стороны располагались места для знатных особ.

Когда Сюй Жань только поступила, на первом занятии по фехтованию на площадке для стрельбы она столкнулась с другим классом. Наставником у них был мягкий человек в синем халате, который говорил: «Я по фамилии Ян, учитеесь фехтованию с чистым сердцем...». В другом классе наставник был грубияном, и его ученики всю потешались над ними.

Сюй Жань, не выдержав, в итоге вызвала их на бой. Она сражалась, не зная усталости, и в одиночку уложила почти весь класс. Когда она стояла в лучах заката, вся в пыли и крови, с красными от ярости глазами, никто из оставшихся не посмел выйти против неё.

Это событие наделало много шума, но Чэн Цяньжэнь тогда ещё не знал Сюй Жань. В его памяти о поединках остался лишь случай прошлой весной.

Возвращаясь с занятий, он проходил мимо здания Цзяньань, когда его захлестнула толпа, вынесшая его на террасу второго этажа. Оказалось, на площадке для стрельбы намечается схватка.

Рядом с ним стояли нарядно одетые студенты из Павильона Чуньбо. Одна из девушек воскликнула:

— Сейчас начнётся! Старшая сестра, не пойдёшь разнимать?

Красавица, к которой она обращалась, лишь лениво обмахивалась веером:

— Зачем? Они сами хотят подраться, а меня лишь используют как предлог. Смотри, они даже не вспомнят обо мне, когда всё закончится.

Внизу, через всё поле, звучали вызовы: «Проигравший теряет право претендовать на место! Больше не смей видаться с младшей сестрой Ли!»

Зрители обступили поле в три ряда, вытягивая шеи. Всадники рванули в центр, копыта гремели, как гром, поднимая столбы пыли. В этой дымке раздался звон клинков. Спустя полчаса маневров один из бойцов явно потерял равновесие, и толпа затаила дыхание.

<http://bllate.org/book/21041/2140656>